

М. Р. Кулова

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА
И. КАНУКОВА «ДВЕ СМЕРТИ»**

*Работа представлена кафедрой русской литературы в национальной школе
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Л. Б. Келехсаева*

В статье анализируется изобразительно-художественное своеобразие рассказа Инала Канукова «Две смерти», определяется идея рассказа, выявляется его место в творчестве писателя, ана-

лизируются особенности сюжета и композиции, а также приемы, определяющие стиль писателя: повторы, разные виды тропов, своеобразие авторского повествования, аллюзии, роль пейзажа в раскрытии главной мысли автора и др.

The article covers the figurative and artistic distinctiveness of the story «Two deaths» by I. Kanukov. The author of the article designates the idea of the story, defines its place in the writer's creation work and analyses peculiarities of the plot and composition as well as devices determining the writer's style: repetitions, various tropes, peculiarity of the narration, allusions, the role of landscape in revelation of the central idea, etc.

Рассказ «Две смерти» принадлежит к наиболее известным произведениям И. Канукова и, по мнению З. Суменовой, является свидетельством тому, «как выросло мастерство Канукова-художника к концу 70-х годов, как углубилось его проникновение в сущность изображенных им жизненных явлений»¹. В этом рассказе автор пытается осмыслить обычай кровной мести, «объяснить его истоки, показать, что побуждает горца совершить поступок, которым он и себя обрекает на верную смерть, ибо адат велит родственникам убитого мстить за смерть всему роду убийцы»².

И. Кануков почувствовал, что обычай кровомщения изжил себя и является ужасным пережитком прошлого, губящим молодые, цветущие жизни.

З. Суменова верно подмечает, что писатель тщательно прослеживает историю совершения убийства из кровной мести, исследует «изображаемое явление с момента возникновения его предпосылок и до завершения и дает ему социально-психологическое объяснение»³.

Рассказ «Две смерти» занимает особое место в творчестве И. Канукова. С одной стороны, в нем наиболее полно реализуются приемы, определяющие стиль писателя в этот период: ослабление роли сюжета, использование принципа сквозного повтора, активное употребление разных типов тропов и др. С другой стороны, в рассказе достаточно прямо выражены авторские оценки, использованы прозрачные аллюзии.

Основу сюжета составляют судьбы главных героев – Данела, Бечира и Махамата, жизни которых были погублены жестоким и бесчеловечным обычаем. Повествование

в рассказе неоднородно. Объективное повествование включает фрагменты текста, в которых прямо выражается субъективная авторская позиция, проявляется ироническая или риторическая экспрессия, сочетающаяся с контекстами, организованными точкой зрения персонажа.

Точка зрения автора контрастирует в тексте со всеми другими точками зрения. Если автор резко выступает против ужасного и бесчеловечного обычая, то все персонажи рассказа, воспитанные в патриархальной горской среде, являются его сторонниками.

И. Кануков ни в одной строке своего рассказа прямо не выступает против кровомщения. Он его развенчивает поступками и психологическим состоянием персонажей. Примечательно, что кровная месть началась из-за ничтожного повода:

«Повздорили две бабы – Кодорон и Мадарон.

И ведь повздорили-то из-за чего! Курица первой из них вылетела из курятника второй, почему первая заключила, что курица снесла в курятнике яйцо. Мадарон не принимала в резон таких претензий соседки и не допустила ее в свой курятник, говоря, что там ее, Кодорон, курицы не было вовсе и что она в курятнике только встревожит наседок».

В приведенном контексте лексические средства, с одной стороны, казалось бы, выступают в прямом значении и служат обозначениями конкретных реалий, с другой стороны, лежат в основе метафоры, восходящей к архетипическому образу пословицы: «Дело не стоит выеденного яйца».

В дальнейшем взаимная перебранка переходит в настоящую «бабью баталию».

Соперницы обвиняют друг друга в воровстве, в бесстыдстве, перескакивая с одной темы на другую. Они не только оскорбляют друг друга, но в конце концов Кодорон обвиняет в нескромности дочь Мадарон, которая не имеет никакого отношения к их ссоре, но именно из-за нее и начинается кровомщение, поскольку оскорбление «чести рода или отдельных его членов всегда было у горцев достаточным мотивом для возникновения мести»⁴. При этом «всякое посягательство на женщину рассматривалось как обида, нанесенная не только ей, но и всему роду»⁵. Именно об этом, подстрекая сына к мести, говорит Мадарон:

«Что ты за брат своей сестры, когда можешь, ничего не говоря, слышать, как о твоей сестре, а о моей дочери распускают такие сплетни... Укоряют меня в нескромности моей дочери за то, что у нее, как у женщины, есть груди...».

Сама же сцена ссоры воссоздана автором с большим мастерством и тонкой иронией. Женщины перебраниваются через плетень, который препятствует переходу словесной дуэли в открытое физическое единоборство. Характерны для перебранки и соответствующие ключевые слова, образующие своеобразные семантические комплексы. Они базируются на повторе, составляя семантическую доминанту текста, группируя вокруг себя синонимичные им единицы.

Наиболее часто повторяются слова с семей *«ругань»*: *«Бабья ругань и визг стоят над аулом»*; *«Несколько любопытных голов повысовывались из саклей и смотрят на бабью баталию»*; *«Аллах ведает, чем бы окончилась бабья баталия...».*

Именно «бабью баталию» обслуживают такие лексемы, как *пронзительный злобный голос, повздорили, ругань, визг, воровка, коришь, украл, бесстыдница, прошипела* и др. Не менее выразительны и паралингвистические средства: *злобно сверкая глазами, сверкнула очами, харкнула, плевки*.

Воздействуя на психику друг друга, Кодорон и Мадарон щедро рассыпают про-

клятия: *«Чтоб закружился основной камень твоей сакли!..»*; *«Чтоб умер твой ребенок!»*; *«Да лопнет твоя голова!..».*

Источником этих проклятий является осетинский фольклор. Однако только лишь фольклором автор не ограничивается. Так, высказанная Кодорон пословица в несколько измененном виде восходит к Священному Писанию: *«В чужом глазу видишь волосинку, в своем и ветвистого дерева не замечаешь».* Подобные реминисценции в рассказе могут иметь своим источником и русскую литературу.

Речь Кодорон и Мадарон слабо индивидуализирована. В сущности, они почти не отличаются друг от друга. Не случайно и имена их, учитывая явление аканья в русском языке, различаются лишь одним звуком. Это две склочные, озлобленные, некультурные и глупые женщины, из-за своей глупости ставшие причиной гибели своих сыновей.

Дневной ссоре в первой части рассказа противопоставлена спокойная и тихая ночь во второй части. Ночь здесь – образ спокойствия и умиротворения. Текст изобилует восклицаниями автора, восхищающегося красотой лунной ночи, умиротворившей злобу, зависть, сплетни:

«А ночь такая славная, тихая, светлая!

Ах, если бы на сердце всех несчастных и обиженных судьбою было так же светло и хорошо!.. А чистое, прозрачное, голубое небо! Не чета тифлисскому, серому, пропитанному пылью и миазмами, а свежее, иллюминированное мириадами звезд, весело перемигивающихся между собой, и с царственно плывущей между ними луною. Ни облачка на небе. Дышится так легко, легко! Чудится, будто ангел спокойствия и безмятежного сна витает над аулом, где еще так недавно раздавались слова проклятья двух поссорившихся баб. Все забыто! Забыты злоба, горе, сплетни».

Такое романтическое отношение к природе весьма характерно для автора, поэтизирующего ее. И. Кануков олицетворяет и

одухотворяет природу: звезды у него перемигиваются, луна царственно плывет, ангел спокойствия витает над аулом.

В этом отрывке отчетливо проявляются интертекстуальные связи анализируемого рассказа с текстами Н. В. Гоголя («Тиха украинская ночь»), М. Ю. Лермонтова («Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездой говорит»). Примечательны в этом смысле следующие слова Р. Барта: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат, и в этом смысле каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах»⁶.

Во второй части рассказа структурно значимым для его интерпретации является повтор, служащий основой когезии. Таким повтором является семема «спать», передающая спокойствие и умиротворение ночи. Помимо приведенного выше «ангела спокойствия и безмятежного сна» следует отметить также следующие выражения: «*Аул спит глубоким, непробудным сном. Лишь дворняжки спросонья твякают порою и, ворча, снова прикурнувши, засыпают. Самые сакли словно тоже уснули...*»; «*Спит хозяин сакли Данел*»; «*Усталый Данел спит непробудным сном под навесом своей жалкой сакли*».

На основе повтора в рассказе развертываются образные поля текста, повтор связывает различные пространственные сферы и временные планы произведения, актуализирует смыслы, значимые для его интерпретации. Повтор не только выделяет основные семантические линии текста, но и выполняет в рассказе важнейшие композиционные функции.

Во второй части рассказа автор знакомит читателя со своим любимым героем – Данелом, о котором он писал ранее в очерке «В осетинском ауле». Данел – весельчак, без него не обходится «никакие пирушки в ауле». Несмотря на то что «жизнь его полна горестных приключений, он не унывает».

«На общественных игрищах он братски просто обходится с девушками, и эти последние, в свою очередь, его одного лишь не дичатся. Между тем аульные бабы-сплетницы усматривают в этих его братских, бескорыстных отношениях что-то особенное. Данел же, видит бог, неповинен и помышлением во возводимых на него сплетнях».

Тем не менее именно этому замечательному и доброму парню суждено стать невинной жертвой жестокого адата.

Авторское отношение к изображаемому сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста.

Однако И. Кануков дает резкую, прямую оценку аульным сплетням:

«Ах, сплетня, сплетня! И зачем ты явилась на свет? От тебя не укрыться нигде, даже под землею... Ты откопаешь и мертвеца из могилы, чтобы разобрать его по косточкам и вдоволь наглумиться над ним». И это неудивительно, поскольку именно сплетни явились причиной гибели Данела.

В анализируемом рассказе авторское повествование совпадает с точкой зрения автора. И в этом смысле оно является одноплановым и объективным. И. Кануков в этом рассказе выступает в роли аукториального повествователя, находящегося вне мира повествования, но организующего его и предлагающего адресату текста свою интерпретацию событий.

Третья часть рассказа полностью посвящена описанию сна Данела. Этот сон весьма примечателен: в нем показана мечта бедного горского парня, живущего в патриархальной осетинской среде, но который уже увидел огромные преимущества цивилизации, стремительно ворвавшейся в размеренный и примитивный уклад горской жизни из Великой России. В этом сне И. Кануков показывает, каким образом бедный горец может преодолеть давящую его нужду. Для этого нужно выйти из привычного образа жизни и войти в жизнь новую, предприимчивую и деятельную, что и делает в своем

сне Данел: *«Данел работает деятельно. Он принял подряд по доставке сена в город, и деньги посыпались на него дождем. Он уже забыл про черствый просяной чурек и ест пшеничный хлеб да пирог с сыром, запивая черным хорошим пивом и аракой»*. Теперь у Данела появилось все: вместо плетневой сакли – дом, покрытый на русский лад черепицей, с дощатым полом и печкой, вместо дырявой и заплатанной одежды – прекрасная черкеска, вместо вонючего табака – папиросы и др. Наконец Данел женится на прекрасной девушке. Сон имеет чрезвычайно большое значение в рассказе. В нем не только рисуется мечта молодого горца, но и содержится подлинный гимн жизни. Автор как бы говорит: жизнь так прекрасна и удивительна, она самое дорогое, что есть у человека, и никто не вправе ее забрать. Однако сну Данела не суждено было сбыться. Его сон был прерван выстрелом. Сосед Бечир, брат «полногрудой девицы», подстреленный матерью, смертельно ранит Данела, причем делает это подлым способом – стреляет в спящего.

«Он не переварил сплетни, что его сестра нескромно ведет себя, что большие ее груди говорят за это и что толки идут, будто к этому причастен невинный Данел. Бечир решил убить его и тем самым смыть с себя стыд и положить конец бабьим сплетням». Развенчивая дикий и бесчеловечный обычай, автор показывает, что жертвой этого обычая стал совершенно невинный, добрый, жизнерадостный человек. Каким ужасным контрастом и диссонансом сну Данела является глупая месть Бечири.

В четвертой части рассказа автор весьма талантливо и правдиво описывает панику, поднявшуюся в ауле в связи с выстрелом Бечири и криками раненого Данела.

«Выстрелы и крики раненого Данела встревожили весь аул. Собаки подняли неистовый лай и вой. Жители, особенно мужская половина, повыскакивали со своих постелей и, кто в чем попало, выбежали на двор, на улицу. По улице аула задвигались фигуры,

кто в одном белье, с пистолетом в руке, кто в бурке, накинутой на голое тело, но в шапке и с винтовкой в руке; появился даже один в костюме прародителя Адама. Он тоже неистово метался на своей неоседланной лошади и так громко кричал, что можно было принять его за сумасшедшего. В руке он держал оголенную винтовку и из всех сил барабанил своими ногами по бокам лошади, ошалевшей еще более своего седока».

Однако вскоре жители аула узнают, что причиной поднявшегося переполоха оказалось ранение Данела, повлекшее его смерть. Смертельно раненный Данел успел, однако, назвать имя своего убийцы, которым оказался сосед Бечир. Пришедший с дальнего конца аула брат Данела Махамат, следуя обычаю, рвется отомстить за кровь своего брата: *«Он рвался к сакле Бечири, судорожно хватался за рукоять кинжала и, рыдая от злости и горя, умолял пустить его совершить священный долг мести»*. Однако Бечир уже скрылся в соседнем ауле. Между тем после похорон брата Махамата ни на минуту не покидает мысль о мщении, хотя он уже узнал, что Бечир арестован и препровожден в городскую тюрьму. Автор показывает, какие тяжелые переживания выпали на душу юноши, не выполнившего священного обычая отцов:

«Тяжело было на душе у Махамата. Как он теперь выполнит священный долг мести? В тюрьму ведь не впустят? А между тем долг мести налег тяжелым камнем на его озлобленное против убийцы сердце. Отбил-ся он совсем от работы под влиянием этого чувства, ходил как шальной, стал избегать людских взглядов, будто чем-то он провинился перед своими одноаульцами, всегда обходил шумную, праздную толпу, сидевшую в тени какого-нибудь плетня».

Он заметно стал худеть. Призрак убитого брата не оставлял его и во сне. Почти каждую ночь ему снился этот образ, стыдил его своей зияющей раной, говоря: *«Отмести Бечирю за брата... Омой эту рану его кровью...»*.

Таким образом, мы видим, что Махамат полностью находится во власти обычая и мнения одноаульцев, не удовлетворяющих государственным правом и находящихся еще во власти обычного права, по сути уже идущего вразрез с действующим уголовным законодательством. Движимый обычаем кровомщения Махамат отправляется в город, где случайно в числе арестантов узнает изможденного убийцу своего брата, работающего в кандалах на одной из городских улиц.

Ни минуты не сомневаясь, Махамат наносит два удара кинжалом теперь уже беспомощному убийце своего брата и тут же оказывается схваченным конвойными:

«Он покорно отдал свой кинжал, позволил себя связать и отправился безропотно, куда его повели. Только он бормотал:

– Бечир думал, что избег моей руки... он думал, что от мести избавился... Жаль только, что он еще не умер...

Но опасения Махамата были напрасны: Бечир скончался по дороге в госпиталь».

Таким образом, читатель видит, что из-за совершенно никчемной, бессмысленной и пустой ссоры, из-за дела, не стоящего выеденного яйца, были погублены три молодые, полные сил жизни, ставшие жертвами жестокого и уже не находящего никакого оправдания обычая. Выше уже было отмечено, что автор избегает прямой оценки отжившего обычая и предоставляет сделать справедливый вывод самому читателю. А вывод этот однозначен: если из-за этого обычая гибнут такие цветущие и молодые жизни, ему не может быть места в человеческом обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суменова З. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе: Ир, 1972. С. 97.

² Там же. С. 105. Далее текст цитируется по данному изданию.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Калоев Б. А. Осетины. М., 1967. С. 167.

⁶ Барт Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы. М., 1989. С. 88.